

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Фальшивое
СОЛНЦЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художник Алексей Дурасов

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.

С65 Фальшивое солнце / Геннадий Сорокин. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-243591-1

Конец семидесятых, один из сибирских городов. В квартире находят тело молодой женщины в кимоно. Судя по ране на левом виске, она погибла от сильного удара. Интерьер на месте преступления напоминает японские декорации. Рядом с убитой были обнаружены веер, катана, бумажный фонарь и ленты с иероглифами. Человек, который снимал квартиру и называл себя японским профессором Мицуко Орояма, исчез. Оперативник Иван Абрамов пытается понять: убийство стало следствием бытового конфликта или частью детально разыгранного спектакля? Когда сыщики узнают, что имя профессора женское, а фамилия вымышленная, им становится ясно, что за восточными декорациями скрывается тот, кто умеет исчезать вовремя и запутывать следы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243591-1

© Сорокин Г., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ниигата

Глава 1

В конце апреля 1977 года в коммерческий порт японского города Ниигата прибыл советский сухогруз «Академик Васильев». После разгрузки экипаж стал готовиться к выходу в город. Замполит судна составил списки увольняющихся на берег, разбил моряков на несколько групп под командованием одного из офицеров судна. По одному советским морякам в заграничном плавании на берег сходить было запрещено. Руководство «Совторгфлота» опасалось провокаций со стороны зарубежных спецслужб или антисоветски настроенных граждан. В одну из групп, уходящих в увольнение, вошли механик, боцман, молодой палубный матрос по фамилии Иванов и еще трое членов экипажа. Механик был старшим группы. В Ниигату он прибыл в третий раз, а боцман — в шестой.

Здание пограничной службы и таможенного контроля находилось в левой части порта. Это было кирпичное сооружение с высокими потолками, построенное еще до Второй мировой войны. Новое здание таможни строилось рядом. Над входом в пограничную зону висел приветственный плакат на английском и японском языках. Сразу за входом в здание начиналась пограничная зона. Территория порта заканчивалась за красной полосой на полу перед кабинками с пограничниками. А за ними была уже Япония, далекая и загадочная. Моряки с «Академика Васильева» выстроились в очередь для прохождения

пограничного контроля, достали паспорта. Японские пограничники к советским гражданам не придирались, но работали неспешно — количество людей в очереди их не волновало. Все изменилось, когда в зале появился японский сотрудник службы безопасности. Он жестом велел пограничникам ускорить проверку документов и приготовиться к серьезной работе: в порту Ниигаты закончил разгрузку теплоход из ФРГ. Немецкие моряки уже сошли на берег и направились к пограничному посту.

Сотрудник службы безопасности и японские пограничники знали, что в экипаж советского судна, выходящего в заграничное плавание, случайный человек не попадет. Советские моряки были проверенными товарищами, членами коммунистической партии или комсомольцами, положительно характеризующимися по месту службы и жительства. Все они перед зачислением на судно проходили проверку в КГБ. Малейшее сомнение в надежности моряка закрывало ему выезд за границу навсегда. С немецкими моряками было по-другому: в экипаж сухогруза из ФРГ мог попасть случайный человек или даже террорист. 1970-е годы в Западной Европе были непростым временем. Леворадикальные террористические группировки начали беспощадную борьбу с буржуазным обществом. Они поджигали крупные универмаги, похищали государственных и политических деятелей, взрывали бомбы около американских военных баз. Самой известной террористической группировкой ФРГ была Фракция Красной армии (РАФ), возглавляемая Андреасом Баадером. В апреле 1977 года Баадер и многие другие руководители РАФ уже сидели в тюрьме, но сотни их сторонников оставались на свободе. Кто-нибудь из них мог завербоваться на торговое судно, прибыть в Японию

и установить связь с японскими левыми радикалами из Красной армии Японии или аналогичной группировки. Пограничникам порта Ниигата предстояла нелегкая работа — по внешнему виду и паспорту определить, является ли немецкий гражданин обычным моряком или он скрытый террорист, прибывший обучать японских товарищей обращению со взрывчаткой.

После прохождения пограничного контроля советские моряки вошли в зал таможенной проверки. Это было просторное помещение со стеклянной будкой в углу. Посреди зала стояли шесть длинных столов, сваренных из металлических уголков, с оцинкованными гладкими столешницами. Советские моряки выложили на столы имеющийся при себе багаж и стали дожидаться проверки. Вещи моряков проверялись таможенниками вручную. Проверка носила поверхностный характер, так как список запрещенных к ввозу в Японию товаров и предметов был ограничен. В него входили все виды оружия, запрещенные международными конвенциями вещества, подрывная литература и продукты переработки диких животных. Оружия и наркотиков у советских моряков не было, пронести избранные сочинения Ленина на территорию Японии никто не пытался. К специфическим продуктам дикой природы относились шкуры диких животных и переработанные или засушенные части их тел. Среди японских знахарей, например, очень ценился детородный орган амурского тигра, из которого делали настойку, повышающую мужскую силу. Стоила такая настойка безумно дорого, но популярностью у пожилых японцев пользовалась небывалой, во много раз большей, чем продукция самых известных японских или американских фармацевтических фирм.

Контрабанды у советских моряков с «Академика Васильева» при себе не было, японских таможенных законов они не нарушали, а если и нарушали, то так, по мелочи. Например, превышали число разрешенных к ввозу в Японию табачных изделий. По японским законам на территорию страны можно было ввезти 200 сигарет или папирос. У боцмана в багаже было десять пачек папирос «Беломорканал». В каждой пачке находилось по 25 папирос. Таким образом, боцман привез в Японию 250 папирос, что превышало разрешенный лимит, но таможенники не стали придираться к нему. Они знали, для кого предназначены эти папиросы. Для стариков! Старость надо уважать, иначе не будет преемственности поколений.

Папиросы в багаже советских моряков выглядели на первый взгляд странно. Зачем нужны низкокачественные табачные изделия в стране, где в каждом табачном киоске продаются фирменные американские сигареты по умеренной цене? Таким вопросом мог задаться только человек, не знакомый с историей Второй мировой войны и менталитетом японцев. В 1945 году после разгрома Квантунской армии в Маньчжурии в плен к советским войскам попало свыше шестисот тысяч японских военнослужащих. До 1956 года они содержались в специальных лагерях для военнопленных на территории СССР. Курили японские пленные или махорку, или папиросы, если повезет. Прошли годы. В Японии выросло поколение, которое стало пренебрегать традиционными ценностями: преданностью императору и готовностью к самопожертвованию ради поставленной правительством цели. Грубая папироса в скрюченных артритом пальцах морщинистого старика говорила разболтанной молодежи и их безмозглым родителям, что перед ними бывший

солдат императорской армии, выполнивший свой долг до конца. Перед стариком с дымящейся папиросой надо было почтительно склонить голову и проявить к нему высшие знаки уважения.

За крайним слева столом встали боцман, механик и молодой матрос. Боцман обернулся на стеклянную будку и тихо сказал:

— Нынешняя красotka худовата! Вот до нее была деваха так деваха! Один раз взглянешь — всю неделю сниться будет. Как эту зовут? Миа? Прошлогодною тоже как-то на букву «М» звали.

Механик кивком головы согласился с ним. Он не понял, о ком идет речь, посмотрел в сторону будки и обмер: за стеклом сидел сотрудник спецслужб Японии, а за ним на стене висел календарь в рост человека, на котором была изображена очень симпатичная девушка в открытом ярко-красном купальнике. Она стояла на берегу моря и скромно, по-азиатски не размыкая губ, улыбалась. Ей была чужда голливудская вульгарность, когда американские красотки улыбались так, словно рекламировали отбеливающую зубную пасту или приглашали любого желающего пересчитать у них зубы во рту. Японка на календаре была стройной, с развитой грудью, узкой талией. Для азиатки у нее был необычный разрез глаз, почти как у представительницы европеоидной расы. Советские моряки догадывались, что с разрезом глаз у японских манекенщиц что-то не то, что в нем кроется какой-то подвох, и они были правы. Для рекламных плакатов и календарей снимались филиппинские девушки, которым пластические хирурги немного подправляли веки и уголки глаз, потому что узкоглазые худосочные японки для европейской мужской аудитории в качестве манекенщиц не подходили.

Пройдя таможеню, моряки вышли в город. Лидером группы вместо назначенного замполитом механика стал боцман. Он уверенно повел товарищей извилистой дорогой через склады, вдоль пропахшей креазотом подъездной железнодорожной ветки на пустырь, где их уже поджидал микроавтобус «Ниссан». При приближении русских боковая дверь микроавтобуса отъехала в сторону, приглашая гостей Страны восходящего солнца войти внутрь. Первым в него забрался боцман. Японец-перекупщик тепло поприветствовал его на ломаном русском языке, и начался торг. С собой на продажу боцман привез две баночки черной икры, две бутылки водки «Столичная» с винтовыми пробками, десять пачек папирос, сувениры, три банки консервированных говяжьих языков. С шеи боцман снял золотую цепочку с кулоном, а с пальца — обручальное кольцо. Носильные вещи из золота таможенному декларированию не подлежали, а стояли они в Японии гораздо дороже, чем в СССР. С рубашки под пиджаком он отцепил три значка: октябрятский, пионерский и комсомольский. В качестве сувениров их ввоз был запрещен, а как показатель преданности делу Коммунистической партии Советского Союза — разрешен. Япония была забюрократизированной страной, где один закон противоречил другому. Ввозить с собой томик трудов Ленина на русском языке запрещалось, это считалось коммунистической пропагандой, но в любой университетской библиотеке труды Ленина на японском языке выдавались студентам по первому требованию. Октябрятский значок в багаже был запрещенным товаром, а на груди у моряка — нет. Когда у фрондирующей японской молодежи вошли в моду советские значки, советские моряки тут же нашли способ их провозить. Боцман в свой первый приезд в Ниигату заявил при

прохождении границы, что он как патриот Советского Союза считает своим долгом носить на груди все знаки отличия, полученные им с детского возраста. Последовательно указывая пальцем на значки, он через переводчика разъяснил таможенникам, что вначале был октябренок, потом подросток и стал пионером, в старших классах вступил в комсомол, а после службы в армии — в партию. В подтверждение своих слов боцман достал партбилет и ткнул пальцем в столбец с отметкой об уплате партийных взносов. Крыть японским бюрократам было нечем. Партийные взносы — вещь серьезная, с ними не шутят!

Ассортимент товаров, привезенных боцманом, был заранее оговорен с местным перекупщиком. Русская водка в Центральной и Южной Японии популярностью не пользовалась, зато ценилась среди жителей самого северного японского острова Хоккайдо. Черную икру можно было сдать в любой ресторан, а сувениры выставить на продажу на лотках в людном месте. Октябратские и пионерские значки носили протестующие против всего на свете студенты. Особой любовью у них пользовалась пятиконечная звезда с юным Лениным в центре значка. Если сотрудник спецслужб, присматривающий за университетом, начинал задавать студенту неприятные вопросы, то тот всегда мог сказать, что октябратская звездочка — это никакая не советская пропаганда, а обычный сувенир. Всем же известно, что Ленин был лысым, а на значке изображен кудрявый мальчик, похожий на известного русского поэта Александра Блока в детстве. Стихи Блока в Японии не запрещены, так какие могут быть вопросы к значку?

Проверив товар, перекупщик отсчитал боцману пачку иен, посоветовал, что лучше привезти в следующий раз.

За боцманом в микроавтобус залез механик, за ним — остальные моряки.

Продав все привезенные с собой вещи, моряки пошли в банк, где обменяли на японские иены доллары США, полученные ими в качестве зарплаты за время рейса. Богатые и довольные жизнью, они пошли в центр города, где располагались крупнейшие в Ниигате универсальные магазины, в том числе недавно построенный огромный торговый комплекс «Плат Хончо».

Глава 2

— Так вот ты какой, загнивающий капитализм! — воскликнул Иванов, как только моряки вышли из припортовой зоны. — Разруха, ничего не скажешь! А какие тут иномарки! Жаль, фотоаппарата нет, щелкнули бы вы меня рядом с вон той «Тойотой», мне бы все знакомые завидовали до конца дней своих. Это же не машина, это мечта!

Перед советскими моряками простирался шестиполосный проспект с левосторонним движением, по обочинам которого были припаркованы сверкающие на солнце шикарные иномарки. Газоны рядом с ними были аккуратно подстрижены, высаженные деревья выглядели ухоженными, а тротуары — чисто выметенными. Ни одного окурка на асфальте не валялось. Цивилизация, порядок! Сплюнуть захочешь, так постесняешься. Высоченные здания из стекла и бетона вдоль проспекта уходили ввысь. Между ними архитекторы оставили старые постройки, использовавшиеся как сувенирные лавки и магазины бакалеи.

Бывалым морякам была понятна реакция молодого коллеги, в первый раз попавшего в крупный город за

границей. Они тоже когда-то восхищались иномарками и небоскребами, потом привыкли. Действительно, чему удивляться в Ниигате? Что тут «Тойоты» и «Ниссаны» вдоль обочины стоят? А что должно стоять, автомобили «Москвич», что ли?

До торгового центра «Плат Хончо» добраться можно было на автобусе, трамвае или на такси, но моряки были вынуждены экономить валюту, поэтому пошли пешком. Благо идти было недалеко, не более километра. Японские архитекторы, проектируя новые кварталы Ниигаты, специально разместили торговые центры недалеко от коммерческого порта. По их замыслу, иностранные моряки и туристы должны были больше времени проводить за покупкой японских товаров и как можно меньше бесцельно слоняться по городу в поисках приключений.

На входе в торговый центр размещались лотки с полиграфической рекламной продукцией. Боцман уверенно взял с прилавка каталог японских автомобилей за 1976 год.

— Буду возвращаться — принесу! — сказал он невозмутимому охраннику торгового центра. — Пока считаю, приценюсь.

Японец не понял ни слова из сказанного, но препятствовать боцману не стал, хотя знал, что русский моряк каталог назад не вернет. Рекламную полиграфическую продукцию в крупные магазины бесплатно поставляли производители автомобилей и электроники. Отвечать за сохранность бесплатных каталогов охранник не был обязан.

В торговом центре моряки разделились. Наступил священный момент покупки товаров, мероприятие в высшей степени интимное, требующее внимания и сосредоточенности. Тут каждый был сам за себя.

Боцман, ориентируясь по указателям на английском языке, прошел сначала в магазин джинсовой одежды. Услужливые продавцы быстро подобрали ему джинсы фирмы «Ли Купер». Он покрасовался перед зеркалом, оценил обновку и вторые джинсы этой же модели взял без примерки. У боцмана была стандартная, если можно так сказать, фигура: что подошло по размеру ему, то должно было подойти каждому второму мужчине во Владивостоке. Еще одни джинсы боцман взял другой фирмы и на два размера больше. С их реализацией проблем возникнуть не должно — во Владивостоке мужчин с крупной фигурой хватало.

По советским таможенным правилам ввоз в страну вещей, предназначенных для продажи, был запрещен. Ввозить разрешалось только аппаратуру и вещи, предназначенные для личного пользования. Пару джинсов пронести на берег было нельзя, так как считалось, что советскому моряку одних джинсов за глаза хватит. Моряки легко обходили этот запрет: пару джинсов надевали на себя — одни джинсы поверх других, — а третьи джинсы представляли таможенникам в качестве покупки для личного использования.

После отдела джинсовой одежды боцман пошел в секцию, торговавшую часами. Еще перед отправкой в рейс он изучил ассортимент зарубежных товаров в комиссионных магазинах и пришел к выводу, что популярностью начинают пользоваться наручные электронные часы в пластмассовом корпусе. Такие часы смотрелись на руке стильно. Сразу было видно, что это зарубежный товар, а не советская «Электроника» в металлическом корпусе. Часы в пластмассовом корпусе в Японии не носили даже нищие. Японские предприятия выпускали их исключительно для иностранцев, в основном для туристов

и моряков из стран социалистического блока и развивающейся Азии.

Приценившись, боцман купил десять наручных электронных часов фирмы «Омакс» в пластмассовом корпусе. Также для продажи он взял неплохие механические часы фирмы «Ориент». Для себя он еще в прошлый рейс присмотрел дорогой наручный хронометр «Сейко» с тремя дополнительными циферблатами. На него боцман истратил примерно четверть всей имевшейся у него валюты, но часы того стоили! Шикарная вещь, статусная. Носить их боцман собирался исключительно у себя на родине, в рейсе же пользовался обычными советскими часами «Ракета».

После магазина с часами боцман пошел по привычному кругу: купил двухкассетный стереомагнитофон фирмы «Сони» для продажи, десять солнцезащитных очков неизвестного производителя и три блока жевательной резинки. Истратив почти все деньги в японских иенах, он спустился к другому выходу из торгового центра и на стойке с рекламными буклетами взял два каталога: электронной продукции и фотоаппаратов и в условленное время встретился у входа с остальными моряками, наполнившими просторные спортивные сумки товарами для продажи. Моряки посчитали оставшуюся валюту и решили зайти в кафе, попробовать что-нибудь местного, экзотического. Они заняли отдельный столик в углу, подождали официанта. Блюда и их стоимость в меню были написаны по-японски и по-английски. Каждое блюдо сопровождала его фотография. Это было сделано для удобства иностранцев, не владеющих ни японским, ни английским языками. Моряки заказали по одному роллу и по чашечке саке — на большее денег уже не хватало. Саке подали в чашечках, формой напоминающих пиалу.

Роллы были с рисом, морской капустой и рыбой. Моряки выпили, закусили крошечными роллами и отправились на теплоход, по дороге привычно недоумевая, как японцы могут есть сырую рыбу с водорослями, когда прилавки в магазинах ломятся от отборных морепродуктов?

Перед прибытием во Владивосток в экипаже началось перераспределение товаров для прохождения таможни. Боцман раздал друзьям часы и очки, оставив себе пару часов и одни очки. Взамен получил фотоаппарат, кинокамеру, несколько виниловых пластинок с записями популярных западных исполнителей, женские сапоги, мальчиковый комбинезон и болоньевую куртку, произведенную в городе Осака. Перед выходом на берег каждый член экипажа «Академика Васильева» имел при себе строго ограниченный перечень товаров, который укладывался в понятие «для личного использования». После таможни произошел обратный обмен товарами, и боцман, получив свои часы и очки, поехал домой. Жена и сыновья обновок от него не ждали. Боцман был заботливым отцом семейства и готов был отдать на сапоги или куртку для жены последние иены, но его супруга была категорически против такого расточительства. «Вещь нужно покупать только после ее примерки!» — считала она.

Узнав, что боцман прибыл из рейса, к нему заглянул перекупщик-спекулянт и по хорошей цене купил пару джинсов и все очки. На полученные от него деньги супруга боцмана приобрела на вещевом рынке у спекулянтов модные курточки сыновьям. Для себя выбрала импортный кримпленовый костюм кремового цвета — писк моды 1970-х годов.

Магнитофон, часы и каталоги продукции японских фирм боцман отнес в комиссионный магазин. Знако-

мому товароведу он презентовал несколько пластиков жвачки, чтобы она оценила товары по высшей расценке. Жвачка с вкладышем внутри как предмет для мелкого подношения была очень популярна во Владивостоке. Дети у всех были, а они любили вкус иностранной жвачки и еще больше любили похвастаться вкладышами с изображением героев американских мультфильмов.

Боцман сдал в комиссионный магазин три каталога. Первый — легковых автомобилей, предлагаемых для продажи на территории Японии в 1976 году. Во втором каталоге были представлены магнитофоны, транзисторы и видеомангнитофоны. В третьем — фотоаппараты и кинокамеры. Товаровед оценила каждый каталог в десять рублей, но усомнилась, что их быстро купят. Спрашивается, зачем вообще советскому человеку надо покупать каталог товаров, которые никогда не сможешь купить? Все дело в престиже. Каталоги были изданы на глянцевой бумаге и выглядели нарядно. Внутри них было полно рекламы с японско-филиппинскими красотками, сфотографированными или на фоне дорогих автомобилей, или с магнитофонами в руках. Такой каталог перед приходом званных гостей выкладывался на журнальный столик. Гости в ожидании угощения листали каталог, восхищались «Тойотами» и стереомангнитолами «Сони», обсуждали фигуры и разрез глаз манекенщиц. Хозяин каталога на вопрос: «Где взял такой журнал?» обычно небрежно бросал: «Друзья из Японии привезли». Иметь друзей, между делом наведывающихся в Японию и интересующихся японскими автомобилями и видеомангнитофонами — это серьезно. Такие друзья не у каждого человека есть.

На следующий день боцман узнал, что его теща тяжело заболела. Помочь победить опасный недуг старушке мог дорогостоящий препарат, приобрести который мож-